

*А. Вянянен (Оулу),
М. М. Макарцев (Москва / Ольденбург)*

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ АЛБАНИИ: ВЗГЛЯД ФОТОГРАФА, РЕФЛЕКСИЯ ЛИНГВИСТА¹

Настоящая статья основана на материалах экспедиции, которую мы провели 24.07–14.08.2020 в нескольких районах компактного расселения носителей славянских диалектов в Албании. Прежде всего, анализируя ход и результаты работы, мы рассматриваем взаимодействие и коммуникацию специалистов разного профиля в поле. Во второй части представлены результаты обследования славянских диалектов Албании в контексте балканской лингвистики. Третья часть — результаты работы фотографа, то есть сами фотографии — вынесена на цветную вклейку.

1. КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ИНФОРМАНТАМИ

Наш исследовательский коллектив включал в себя специалистов разного профиля. М. М. Макарцев изучает славянские диалекты Албании на стыке диалектологии и социолингвистики и работает над созданием корпуса, который позволит описать в количественном и качественном плане языковые изменения в этих диалектах, происходящие под влиянием албанского языка и стандартных южнославянских язы-

¹ Полевая работа М. М. Макарцева, Н. Мухайм и А. Вянянен в Албании и работа М. М. Макарцева над данной публикацией осуществлены при поддержке гранта Немецкого научного общества «Kontaktinduzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus—seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien» (Deutsche Forschungsgemeinschaft, GZ: MA 8750/1-1). Материалы статьи были представлены в открытой лекции «Linguistic minorities in Albania: An international field expedition» 20.04.2022 в рамках семинара «Incontri interculturali e interlinguistici tra lingue e culture a ovest e a sud-est del continente europeo» (лекторы: М. М. Макарцев, А. Вянянен, Н. Мухайм, И. Шкрели) в Университете Саленто.

ков. Нора Мухайм занимается корпусной лингвистикой на материале македонского языка в Университете Цюриха. Айно Вянянен — документальный фотограф, создающая визуальные работы, посвященные маргинальным и периферийным группам на Балканах, в Восточной Европе и Финляндии.

За время экспедиции мы провели полевые исследования в трех регионах. В нас. пунктах Бораке² (*Borake*), Коджас (*Koxhas*) и Шияк (*Shijak*) в области Дурреса компактно живут носители переселенческого диалекта из окрестностей Мостара (переходная зона между младшими икавскими и восточногерцеговинскими штокавскими диалектами), славяне-мусульмане с бошняцкой идентичностью (см. описание сообщества, подготовленное К. Штайнке и Дж. Юллы по материалам экспедиций 2003, 2006 и 2010 гг.: Steinke, Ylli 2013: 137–192). В сс. Требишт (*Trebisht*), Острен-и-Вогэль (*Ostren i Vogël*) и Вэрница (*Vërnice*)³ региона Голоборда живут носители западномакедонского диалекта, в основном мусульмане (с. Требишт полностью мусульманское; в сс. Острен-и-Вогэль и Вэрница мусульмане составляют большинство, так как большая часть православных во второй половине XX века мигрировала в крупные албанские города). После социально-политических изменений в 1990 г. миграция направилась также в западноевропейские государства (Великобритания, Германия, Италия). На протяжении ряда лет это сообщество изучали балканисты из СПбГУ, ИЛИ РАН и МАЭ «Кунсткамера», см. монографию (Соболев и др. 2013). В селах Глобочени (*Gollomboç*), Долна-Горица (*Goricë e Vogël*), Пустец (*Liqenas*), Туминец (*Kallamas, Bezmisht*)⁴ в албанской части трансграничного региона Преспа на западном берегу Большого Преспанского озера живут носители западномакедонского диалекта, православные (см. Steinke, Ylli 2007).

² Мы используем официальную албанскую топонимику в транслитерации, принятой в российской албанистике. В разных публикациях встречаются разночтения, связанные с ориентацией исследователей на ту или иную языковую традицию (албанскую, болгарскую, македонскую или сербохорватскую). Селам региона Преспа с 2013 г. официально возвращены македонские названия, использовавшиеся до 1970 г., при первом упоминании мы приводим и македонское, и албанское название, а далее используем только македонское.

³ А также в сс. Гиновец (*Gjinovec*), Кленья (*Klenjë*), Коявец (*Kojavec*), Лейчан (*Lejçan*), Ладомерица (*Lladomericë*), Оржанова (*Orzhanovë*), Острен-и-Мад (*Ostren i Madhë*), Пасинка (*Pasinkë*), Радовеш (*Radovesh*), Стеблева (*Steblevë*), Себишт (*Sebisht*), Тучеп (*Tuçep*), см. (Steinke, Ylli 2008).

⁴ А также Горна-Горица (*Gorica e Madhe*), Зрноско (*Zaroshkë*), Леска (*Lajthizë*), Церье (*Cerje*), Шулин (*Diellas*).

Мы работали также с переселенцами из этих регионов в крупные города: Корчу, Тирану, Эльбасан (о сообществе переселенцев из Голоборды в Эльбасане см. Макарецв 2014)⁵. А. Вянянен участвовала в обследовании первых двух регионов.

Сотрудничество специалистов разного профиля предполагало совмещение исследовательских задач и расширение обычного для лингвистических экспедиций инвентаря коммуникационных практик — как внутри исследовательского коллектива, так и между исследователями и информантами. Перед началом экспедиции М. М. Макарецв и А. Вянянен согласовали свои исследовательские программы и договорились о том, как будет структурирована работа во время экспедиции. М. М. в силу предварительного знакомства с полем играл также роль фиксера, используя свои знания о регионах и диалектах и знакомство с ключевыми информантами и активистами негосударственных организаций, занимающимися проблемами сообществ. Кроме того, задачи по фотодокументированию предполагали совместное определение предмета съемки. После выполнения снимка его анализ и подготовка описания также требовали участия лингвиста (который при этом консультировался с информантами-ассистентами). Избранные фотографии с описаниями представлены на цветной вкладке⁶.

Исследовательская программа А. Вянянен предполагала наблюдение и документирование жизни миноритарных групп и создание художественного фотонаратива. Особенность художественного метода А. Вянянен — портретная съемка в контексте места, значимого для героя портрета. Серия фотографий из албанской экспедиции 2021 года стилистически перекликается с другими проектами фотографа — «(Не) настоящие граждане» (из двух частей — «(Не)настоящие финны» и «(Не)настоящие британцы»)⁷, в котором портреты жителей Финляндии и Великобритании, имеющих миграционное происхождение, были представлены в паре с выбранными героями портретов пейзажами; «Другая правда» («Other Truths») — серией фотографий ЛГБТ-людей

⁵ Кроме того, мы также записали ряд структурированных интервью с арумынами-фаршэратами в г. Фиер и с. Шипска (область Корчи).

⁶ Часть фотографий из поездки опубликована в портфолио А. Вянянен на ее сайте (Väänänen 2020).

⁷ Под этим названием проект был представлен на выставках в Москве и других городах России в 2017 г., англоязычное название проекта: «True Citizens» («True Finns», «True Britts»).

из России и Украины на фоне их среды обитания (дома, интерьеры, родные города); «Одуванчики» («Dandelions») — портретов румынских женщин-наркопотребителей, живущих с ВИЧ. Цель ее работы — это как повышение видимости миноритарных групп в целом, так и вынесение на передний план историй их наиболее слабо защищенных представителей (см. подробнее о ее творчестве: Väänänen 2020; We shall see ([2021])). Оборудование, использованное для съемки: пленочная камера среднего формата Zenza Bronica GS-1 с набором линз, пленка Kodak Portra 400 ISO, дополнительно использовалась полнокадровая зеркальная цифровая камера Canon 5D MK III с набором линз. Аналоговые камеры дают более естественную и менее резкую картинку, чем цифровые. Средний формат камер был компромиссным решением между высококачественными камерами большого формата и малыми камерами (35 мм): с одной стороны, он позволял получить качественное изображение, а с другой, оборудование было возможно применять в экспедиционных условиях. Цифровая камера не требует продолжительной настройки и использовалась для быстрой съемки в ситуациях, когда не было возможности заниматься настройкой аналоговой камеры, а также в условиях плохой освещенности.

Помимо портретной съемки, непосредственной фотофиксации работы экспедиции, жилищ, планирования сельского пространства, повседневных и обрядовых практик, ландшафтов — что является неотъемлемой частью любой экспедиции — работа профессионального фотографа подразумевала активное сотрудничество с информантами, выстраивание кадра, поиск эстетических решений, необычных для обычной лингвистической практики и связанного с ней фотодокументирования, организацию фотосессий. Время, которое уходило на это (особенно при портретной съемке), М. М. и Н. М. использовали для общения с информантами и записи как нарративов, так и вербального взаимодействия информантов друг с другом и с фотографом. Собственно съемка и создание фотографий была только частью процесса исследования. Ей предшествовало наблюдение, общение и выстраивание доверительных отношений между фотографом и лингвистами, с одной стороны, и героями и героинями фотографий, с другой стороны. Собеседники показывали места, связанные с их личными историями, что значительно расширило обычную тематику нарративов, собираемых в лингвистических экспедициях, а для фотографа давало возможность сделать профессиональный кадр, опираясь на личную перспективу информанта.

Участие в экспедиции фотографа предполагало новые формы взаимодействия с информантами, в частности, проведение фотосессий. Цели и задачи лингвистического и этнографического исследования часто непонятны информантам⁸ и приводят к дисбалансу в выборке в сторону людей, воспринимаемых в сообществе как хранители традиции (молодежь и мужчины среднего возраста часто отказываются от записи, направляя нас к сельским учителям-пенсионерам или пожилым женщинам, которые помнят, «как говорилось по-старому», *sta'rite la'foi* (Голоборда)). Однако профессиональное фотографирование известно и востребованно, оно сопутствует сельским и семейным праздникам (сюнет/крестины, свадьбы) и подразумевает активное участие людей, не являющихся членами сообщества (например, фотографов из областных центров), поэтому роль А. В. была понятна информантам и это позволяло М. М. и Н. М. решать сопутствующие задачи по записи диалекта с теми представителями сообщества, которые иначе не пошли бы на контакт⁹.

Второй вид дисбаланса в выборке, тесно связанный с описанными проблемами, — гендерный. Для сообществ, которые мы изучали, характерны высокая степень гендерного разделения пространства и ряда практик, ограничения на общение между мужчинами и женщинами. Женщины молодого и среднего возраста неохотно идут на контакт с исследователем-мужчиной, при разговорах с ними, как правило, присутствуют и активно участвуют мужчины из сообщества, что накладывает ограничения и на количество материала, и на его качество¹⁰. Поэтому

⁸ Что затрагивает целый спектр проблем, связанный с идентичностью и позиционностью, см. (Макарцев 2017а; 2017б; 2019). На протяжении ряда лет информанты интерпретировали наш статус по-разному: гости, студенты, «молодежь из города», туристы, религиозные проповедники... Иногда нас рассматривали как членов сообществ, выросших за границей, ср. характерный фрагмент диалога: «Bor16: A, ú kojem ste mjéstu róženi u... Bósna? MM: U Móskvi. Já sam u Móskvi róžen. Bor17: Móskvi... Bor16: A já, róžen u Móskvi. Vídiš li... Vídiš li što si mi drág jóš málo víše, što nísi zabóravio jézik svój» («Bor16: А в каком месте Боснии вы родились? MM: В Москве. Я родился в Москве. Bor17: [В] Москве... Bor16: Вот, родился в Москве. Видишь... Видишь, я еще больше тебе рад, потому что ты не забыл свой язык»). Обозначения информантов даются в анонимизированном виде, краткие паспорта информантов приводятся в конце статьи.

⁹ При этом лингвистическая подготовка фотографа (А. В. закончила отделение славянской филологии Университета Хельсинки с хорватским и польским языками и стажировалась в течение семестра в Загребце) позволила ей участвовать также в записи лингвистического материала.

¹⁰ Ряд тем, связанный с родильной и свадебной обрядностью, часто в принципе невозможно записать.

мы часто разделялись: М. М. взаимодействовал с мужчинами, в то время как А. В. и Н. М. — с женщинами и детьми¹¹.

Нетривиальным образом была также решена проблема вознаграждения. Экономика взаимодействия между исследователем и информантом по определению основана на неравноценной выгоде: исследователь получает необходимый для работы материал, который затем конвертируется в научное знание, публикации, учебные курсы, иными словами, в научный капитал исследователя. В то же время, информант жертвует своим временем и силами, однако выгода для него в данном случае совсем не очевидна. Эта проблема достаточно давно рассматривается, прежде всего в приложении к миноритарным и уязвимым сообществам. История этнографии и полевой лингвистики воспринимается современными исследователями как ряд переходов: от объективистского взгляда на изучаемое сообщество (*research on*) через восприятие его членов как полноправных участников исследовательской работы (не как информантов, а как консультантов: *research with*) к работе, которая должна улучшить положение сообщества (*empowerment: research for*), см. (Cameron et al. 1992; Giampara 2012). Однако вопрос о благе для сообщества не напрямую связан с благом для каждого отдельного информанта. Публикация по материалам экспедиции, которая с одной стороны, сохраняет его нематериальные ценности (например, фольклор), а с другой — включает видение членов сообщества в научный дискурс о сообществе, давая им то, что Б. Эггер называет «public voice» (Agger 1991), занимает довольно много времени и может быть недоступна для членов сообщества, например, из-за языкового барьера. Взаимодействие исследователя с активистами и негосударственными организациями, работающими от имени и на благо общества также не затрагивает

¹¹ Разный возраст и статус исследователей также упрощал это разделение. Поскольку Н. Мухайм — студентка, и по возрасту ближе к самым молодым информанткам (старшего школьного возраста), она оказывалась вне зоны предполагаемых правилами гостеприимства подчеркнутого внимания и уважения (албанск. *respekt*), оказываемого остальным членам исследовательского коллектива (которые интерпретировались как преподаватели-*profesorë*). Это позволяло ей участвовать в хозяйственных активностях и сопутствующем им неформальном общении, которые для нас были закрыты (например, варка кофе, приготовление еды). После окончания нашей работы в с. Требишт мы разделились — М. М. и А. В. поехали в другие сёла региона (Вэрницу и Острен-и-Вогэль), а затем в Корчанский регион, после чего А. В. вернулась в Финляндию. В это время Н. М. провела еще несколько дней в с. Требишт в семье наших ключевых информантов, а затем переехала с ними в с. Тана под Эльбасаном, где семья проводит большую часть года.

многих информантов напрямую. Материальное вознаграждение вызывает ряд этических вопросов. Оно не всегда приемлемо, так как может восприниматься как нарушение законов гостеприимства, отрицательно сказываться на качестве материала, усложнять работу других исследователей, у которых нет возможности предлагать информантам вознаграждение¹².

Участие в экспедиции профессионального фотографа дало нам возможность использовать как способ вознаграждения фотографию¹³. Если информанты соглашались, А. Вянянен делала их фотопортреты, используя свое профессиональное оборудование. Полученные снимки можно было посмотреть сразу же, а при первой возможности мы их распечатывали в высоком качестве и дарили информантам. Кроме того, эти портреты (с согласия информантов) А. Вянянен использует в публикациях и выставляет на выставках, а наше взаимодействие перед и во время фотосъемки дает возможность записи лингвистического материала при решении прагматических задач коммуникации, чего часто недостает при работе с анкетами и опросниками. Таким образом, участие фотографа в экспедиции не только играло важную роль в документировании, но и выводило на другой уровень коммуникацию между исследователями и информантами, позволяя записывать языковые материалы особого рода.

2. СЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ АЛБАНИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Если говорить о собственно лингвистической составляющей экспедиции, то помимо обычных (этно)лингвистических программ и опросников (Макарцев 2021), мы опробовали метод семейных интервью. Информанты самостоятельно записывали повседневные разговоры с членами своей семьи и друзьями¹⁴. Тематика этих разговоров определялась

¹² В сложившейся исследовательской практике информантам в благодарность за помощь дарят небольшие символические подарки, что укладывается в логику гостеприимства.

¹³ Что, конечно, не вербализовывалось, но вполне укладывалось в логику символического обмена между гостями и хозяевами.

¹⁴ См. описание метода в (Hentschel, Zeller 2012). Запись велась в соответствии с этическими принципами, принятыми в немецких исследовательских организациях, см. (Ethics guidelines, [б.г.]).

ими самостоятельно. Ценность этого материала в том, что он максимально приближен к спонтанной речи (говорящие знали о том, что ведется запись, поэтому полностью исключить эффект наблюдателя всё же не представляется возможным). Основной лингвистической целью экспедиции был сбор материала для корпуса, который позволит провести качественный и количественный анализ изменений в славянских диалектах Албании под влиянием албанского языка.

Всего для корпуса было отобрано около 30 часов экспедиционных записей, из которых на настоящий момент (апрель 2022 г.) расшифровано 25,5 часов (225 233 словоформы)¹⁵. Кроме того, в течение года после окончания экспедиции информанты присылали нам записи семейных интервью (всего 19 часов, из них расшифровано 16,5 часов, 185 646 словоформ). Поскольку для проведения семейных интервью мы зависим от того, найдется ли информант-ассистент, который захочет и сможет организовать разговор и сделать запись, и насколько он заинтересован в дальнейшем сотрудничестве, большая часть семейных интервью записана с носителями диалекта Голоборды в с. Требишт, г. Дуррес, Тирана и Эльбасан, где мы смогли организовать сеть ассистентов, но есть также записи такого рода с носителями диалекта Преспы (с. Пустец и Туминец, а также г. Корча), общей продолжительностью 3,6 часов (расшифровано 1,5 часа, 11 093 словоформы).

Предварительные наблюдения показывают количественную и качественную вариативность в зависимости от способа записи. В спонтанной речи в семейных интервью прослеживается значительно большее албанское влияние на разных языковых уровнях, чем в интервью, проведенных исследователями. Гибридные явления в речи информантов выводят нас на широкую тему перевода-семиотического перехода между разными языковыми кодами, который вызывает их конвергенцию, что в уменьшенном масштабе продолжает языковую историю балканского языкового союза. Иными словами, речь миноритарных групп на Балканах представляет собой своего рода балканистичекую языковую лабораторию (ср. Schirmunski 1930).

Материалы экспедиции всё еще находятся в процессе обработки. Здесь мы хотели бы поделиться некоторыми предварительными наблюдениями над языковой конвергенцией в славянской речи Албании в области морфосинтаксиса и морфологии.

¹⁵ Семейные интервью информанты записывали в течение года после окончания экспедиции.

Хотя македонский и албанский имеют значительное структурное сходство, обусловленное общим конвергентным развитием в рамках балканского языкового союза, в контрастивном плане между этими двумя языковыми кодами существует большое количество лагун. В условиях продолжительного двуязычия именно в этих местах языковой системы возникают новые (часто гибридные) структуры под влиянием албанского языка.

Гибридизация структур происходит при конгруэнтной лексикализации, которая возможна только в случае структурной близости контактирующих языков, когда общие грамматические структуры заполняются элементами каждого из них (Muysken 1997: 362). Гибридизация наиболее частотна в морфосинтаксисе, но некоторые гибридизационные процессы можно наблюдать также на морфологическом уровне. Отметим прежде всего гибридные морфосинтаксические конструкции (см. также Макарецев 2020), такие как широкое использование безличных форм (отглагольного существительного и деепричастия) в конструкциях, соответствующих албанским причастным: проспективной (1), атрибутивной (2), прогрессивной (3). При этом прогрессивная конструкция часто имеет модальное значение (4)¹⁶.

Проспектив

(1) *za óde-nje be-f toga* Македонский (Голоборда)

для идти-NMLZ быть-IMPF.1SG тогда
'я тогда собиралась поехать' (Tre30);

(1a) *jam përr të shkua-r* Албанский

быть.PRS.1SG для AGR идти-PTCP
'собраться поехать'.

Атрибутив

(2) *ónaa ésti za vérvе-nje* Македонский (Голоборда)

она быть.PRS.3SG для верить-NMLZ
'ей можно верить' (Tre69);

(2a) *jam përr të besuar* Албанский

быть.PRS.1SG для AGR идти-PTCP
'мне можно верить'.

¹⁶ Отметим, что у албанских прогрессивных конструкций с *duke* модальное значение отсутствует, иными словами, у конструкции, возникшей в македонском диалекте Голоборды под структурным влиянием албанского языка, наблюдается расширение семантики.

Прогрессив

- (3) *Séga, kúče-to nišá-eštín na émiš-on,* Македонский (Голоборда)
теперь собака-DEF раскачивать-CVB на дерево-DEF.DIST

ésti pána-to óva ulište-vo dólu.

быть.PRS.1SG упасть-PTCP это.N улей-DEF.PROX вниз

‘Теперь, собака раскачивает дерево, а улей упал вниз’ (Тре38).

- (3a) *jam duke tundur* Албанский

быть.PRS.1SG PROG качать-PTCP

‘я раскачиваю (в данный момент)’.

- (4) *Vo Dráč né su odéeštín.* Македонский (Голоборда)

в Дуррэс NEG быть.PRS.1SG идти-CVB

‘Я не еду в Дуррэс (в данный момент)’ или ‘Я не хочу ехать в Дуррэс’ (Тре30).

Проблематика прогрессивных конструкций, возникающих в неалбанских диалектах Албании под влиянием албанского языка (в том числе в аспекте жанра текста и способа записи) рассматривалась в предыдущих публикациях М. М. Макарецев на материале македонского диалекта сс. Бобоштица и Дренова (в македонской номенклатуре — корчанский диалект юго-восточного наречия) и арумынских фаршэротских диалектов (Makartsev 2020; Макарецев 2021). Материалы экспедиции 2020 года значительно расширяют наши представления о распространении этих конструкций.

Синтаксические структуры, общие для славянских диалектов и албанского, могут заполняться как славянскими, так и албанскими элементами. В ряде случаев определить этимологию конкретного элемента не представляется возможным, ср.:

- (5) *Dá-j-m-a be biton-ot* Македонский (Голоборда)

дать-IMPERAT.2SG-1SG.DAT-3SG.ACC VOC бутылка-DEF

‘Дай мне бутылку’ (Тре45).

Форма *dájma* включает в себя македонскую повелительную форму *daj*, общую для албанского и македонского местоименную основу местоимения первого лица (ср. македонск. лит. *ми*.1SG.DAT, албанск. *më*.1SG.DAT/ACC) и элемент *-a*, по всей видимости, восходящий к албанской слитой форме местоимения винительного падежа (албанск. *m-a*.1SG.DAT-3SG.ACC; в не-слитой форме эта клитика выглядит как *e*). Албанские клитики третьего лица не различают род (*e* может относиться-

ся к антецеденту как мужского, так и женского рода), в то время как македонские его различают (Голоборда: *a.f.3SG.ACC vs (g)o.m.3SG.ACC*, ср. макед. литер. *ja* и *zo*), таким образом, вряд ли элемент *-a* можно интерпретировать как македонский. В то же время, эта албанская клитика участвует в местоименной репризе с македонским диалектным *bítónot* ‘бутылка’ (< албанск. *bidón*). Клитический остров *ta* при этом инкорпорирован в македонскую глагольную словоформу в рамках общей структуры, ср. (5а) и (5б).

(5а) *jep-t-a-o* Албанский
 дать.IMP.2SG-CL.1SG.DAT- CL.3SG.ACC-IMP.2SG
 ‘дай мне это’

(5б) *ða-j mi zo* Македонский
 дать-IMP.2SG CL.1SG.DAT CL.3SG.ACC
 ‘дай мне это’

Важно, что общие структуры часто не имеют парадигматического характера. Так, краткие формы личных местоимений при албанских формах повелительного наклонения могут быть как проклитиками (5в), так и энклитиками, в последнем случае они инкорпорируются в глагольную форму между основой и окончанием, см. (5а) и (5г). Об общей структуре можно говорить только в случае энклитической позиции кратких форм личных местоимений в форме второго лица единственного числа (5а). Кроме того, общей эту структуру можно считать только на поверхностном уровне: у албанских повелительных форм здесь нулевое окончание, ср. (5г); у македонских форм присутствует окончание императива *-j*¹⁷.

(5в) *t-a jep* Албанский
 CL.1SG.DAT- CL.3SG.ACC дать.IMP.2SG
 ‘дай мне это’

(5г) *jep-t-a-ni*
 дать.IMPERAT-CL.1SG.DAT-CL.3SG.ACC-IMP.2PL
 ‘дай мне это’

¹⁷ Хотя формы повелительного наклонения в албанском и македонском без клитик и можно воспринимать как изоморфные, ср.:

daj ~ daj-te
jep ~ jep-ni

Таким образом, непарадигматический характер гибридных конструкций, с одной стороны, обусловлен гетероморфизмом албанской и македонской языковых систем. С другой стороны, элементы системы, где возникновение таких конструкций возможно, становятся основой для развития новых грамматических явлений, нехарактерных как для славянских диалектов, находящихся вне ситуации контакта, так и для албанского языка. Так, окончание второго лица множественного числа повелительного наклонения имеет тенденцию к клитизации, ср. (6а), калькирующее албанское (6б):

(6а)	<i>dósta-te</i>
хватит-IMP.2PL
'хватит вам'/'прекратите' (Tre30).	<i>be</i>
VOC	Македонский (Голоборда)
(6б)	<i>mjaft-ni</i>
хватит-IMP.2PL
'хватит вам'/'прекратите'		Албанский

Хотя в южнославянских диалектах и литературных языках отдельные модальные частицы могут вести себя похожим образом (болг. *xaj-dete*, македонск. *ajdeme*, ср. также ср.-хр. *hajdemo*), по крайней мере в македонском диалекте Голоборды их перечень несколько шире, ср. возможность употребления заимствованной из албанского отрицательной частицы «*nuk* 'нет' в прохитиве: *ej, n'uk-ajte!* нет-IMPERAT.2PL, калькирующем албанское *mos-ni!* нет-IMPERAT.2PL» (Соболев и др. 2018: 711).

Морфо(но)логия является более закрытой для заимствований системой, чем морфосинтаксис. По шкале заимствования, предложенной С. Томасон и Т. Кауфманом (Thomason, Kaufman 1988: 74–109), морфологические заимствования соответствуют четвертой (из пяти возможных) степени языкового контакта («сильное культурное давление: умеренные структурные заимствования»). На типологическом фоне славянские диалекты Албании показывают сравнительно малое количество явлений такого рода. Яркий пример такой формы приводит А. Н. Соболев (Соболев и др. 2018: 712): *'imat d'eljveno na d'efi* 'Они раздавали баранов' (Голоборда). Форма *d'efi* сочетает албанскую непродуктивную¹⁸ модель образования множественного числа при помощи морфонологического

¹⁸ Только у нескольких существительных: *cjap* 'козел' — Pl. *cjep, dash* 'баран' — *desh, natë* 'ночь' — *net, vit* 'год' — *vjet, gardh* 'ограда' — *gjerdhë*, а также случаи обратного чередования *rreth* 'круг, область' — *rrathë, thesë* 'мешок' — *thasë* (Domi 2002: 103–104).

чередования *a ~ e* в основе (Sg. *dash, i*; Pl. *desh, it* ‘баран’) и македонский показатель множественного числа *-i*, ср. также наш пример из Голоборды:

- (7) *elënce-to so bri-r-ój-te*
 олень-DEF с rog-PL-PL-DEF.PL
 ‘олень с рогами’ (Tre61).

Форма *bri-r-ój-te* включает в себя албанскую основу *bri-* (< албанск. Sg. *bri, -ri*; Pl. *brirë, -t*), расширение основы *-r-* (в албанском используется при образовании как определенной формы в единственном числе, так и формы множественного числа¹⁹), западномакедонское диалектное окончание *-oj* (ср. станд. макед. *-ovu*) и македонский определенный артикль *-te*.

Место таких образований в структуре славянских диалектов в Албании еще только предстоит определить. Предварительно укажем, что они достаточно редко встречаются и, возможно, представляют собой окказиональные образования в речи двуязычных говорящих. Редундантность этих форм обусловлена тем, что к албанским основам (вместе с морфонологическими чередованиями) присоединяются славянские морфологические показатели. Мы предполагаем, что здесь имеет место конгруэнтная лексикализация, а не заимствование (в диалекте Голоборды есть также славянские соответствия этим лексемам: *óven, rog*). Общая для албанского и македонского языков (и соответствующих диалектов) продуктивная модель образования множественного числа — при помощи специального окончания, которое присоединяется к основе (албанск. Sg. *student* ‘студент’ — Pl. *studentë*, македонск. Sg. *студент* — Pl. *студенту*). Другие модели могут быть основаны на формальном неразличении единственного и множественного числа (албанск. Sg. *studente* ‘студентка’ — Pl. *studente*) или — в случае некоторых непродуктивных моделей — морфонологических чередованиях (албанск. Sg. *ka* ‘вол, бык’ — Pl. *qe*, македонск. Sg. *рака* — ‘рука’ Pl. *раце*). Гибридность форм типа *d'efi* и *brirójte* обусловлена тем, что общая грамматическая модель множественного числа заполняется элементами обоих языков: основа восходит к албанской, окончание — македонское. В то же время, основа сохраняет формальные элементы менее частотной модели, унаследованные от албанского этимона.

¹⁹ Это также непродуктивная модель, по которой множественное число образуется только у нескольких существительных: *bri* ‘рог’ — *brirë, dre* ‘олень’ — *drerë, dru* ‘полено’ — *drurë, fre* ‘узда’ — *frerë, tra* ‘балка’ — *trarë* (Domí 2002: 100).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документирование славянских диалектов Албании усилиями смешанного коллектива (два лингвиста и профессиональный фотограф с лингвистическим образованием) позволило расширить возможности коммуникации с исследуемым сообществом, собрать нетривиальный языковой материал, углубляющий наши представления о взаимодействиях языковых кодов в условиях длительного двуязычия и подготовить серию фоторабот, которые имеют самостоятельную художественную ценность (см. приложение).

СОКРАЩЕНИЯ

1-3 — лицо;	IMP — повелительное наклонение;
ACC — винительный падеж;	IMPF — имперфект;
AGR — показатель согласования, албанский связующий артикль (<i>i, e, tē, sē</i>);	M — мужской род;
CL — клитика;	N — средний род;
CVB — деепричастие;	NMLZ — отглагольное существительное;
DAT — дательный падеж;	PL — множественное число;
DEF — определенный артикль;	PROG — прогрессивный аспект;
DEF.DIST — определенный артикль (дистантный);	PRS — настоящее время;
DEF.PROX — определенный артикль (проксимативный);	PTCP — причастие;
F — женский род;	SG — единственное число;
	VOC — звательная частица.

ЛИТЕРАТУРА

Макарец 2014 — Макарец М. М. Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / Отв. ред. Узенева Е. С. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 197–214.

- Макарецв 2017а — *Макарецв М. М.* Идентичность и власть, перформанс и практика в полевом исследовании. К изучению балканославянских идиомов в неславянском окружении // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. Книга III / Отв. ред. Нецименко Г. П. М.: ЯСК, 2017. С. 261–294.
- Макарецв 2017б — *Макарецв М. М.* Исследователь и информанты: конфликт ожиданий в полевой работе в Албании // Балканский тезаурус: взгляд на Балканы извне и изнутри. Тезисы и материалы. Москва 18–20 апреля 2017 года / Отв. ред. Макарецв М. М., ред. Седакова И. А., Цивьян Т. В. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 131–136. (Балканские чтения. 14.)
- Макарецв 2019 — *Макарецв М. М.* Подходы к описанию идентичности старообрядцев Польши: к вопросу об объективности в полевой работе // Ганенкова Т. С., Макарецв М. М., Пилипенко Г. П., Плотникова А. А., Узенёва Е. С. Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 223–269. DOI: 10.31168/0426-8.8
- Макарецв 2020 — *Макарецв М. М.* К вопросу о гибридных межъязыковых явлениях в славянских диалектах Албании // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плуныяна / Ред. Кибрик А. А., Семёнова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. М.: Буки Веди, 2020. С. 329–336.
- Макарецв 2021 — *Макарецв М. М.* Найденное в переводе: (полу)структурированные опросники и грамматикализация продолженного вида в неалбанских диалектах Албании // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Отв. ред. Седакова И. А., ред. Макарецв М. М., Цивьян Т. В. М.: Институт славяноведения РАН, Индрик, 2021. С. 54–61. (Балканские чтения. 16.) DOI 10.31168/2618-8597.2021.16.08
- Соболев и др. 2013 — *Соболев А. Н., Новик А. А., Домосилецкая М. В., Дугущина А. С., Ермолин Д. С., Колосова В. Б., Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Голо Бордо (Gollobordë), Албания: Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Ред. Соболев А. Н., Новик А. А. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013.
- Соболев и др. 2018 — *Соболев А. Н., Кисилиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Макарова А. Л., Морозова М. С., Русаков А. Ю.* 2018. Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, т. 14, №2, 685–746. DOI 10.30842/alpi23065737190818
- Agger 1991 — *Agger B.* Theorizing the decline of discourse or the decline of theoretical discourse? // Critical theory now / Ed. by Wexler Ph. London; New York; Philadelphia: The Falmer Press, 1991. P. 117–144.

- Cameron et al. 1992 — *Cameron D., Frazer E., Harvey P., Rampton M. B. H., Richardson K.* Researching Language: Issues of Power and Method. London: Routledge, 1992. (Routledge Library Editions. Sociolinguistics.)
- Domi 2002 — Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. I. Morfologjia / Kryered. Domi M., red. Agalliu F., Angoni F., Demiraj Sh., Dhrimo A., Hysa E., Lafe E., Likaj E., red. i vëllimit Semiraj Sh. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.
- Ethics guidelines [б.г.] — Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Ethics guidelines. (Электронный источник: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/>, проверено 11.02.2022.)
- Giampapa 2012 — *Giampapa F.* Authenticity, legitimacy and power. Critical ethnography and identity politics // Multilingualism, discourse and ethnography / Ed. by Gardner Sh., Martin-Jones M. New York; London: Routledge, 2012. P. 95–107. (Routledge Critical Studies in Multilingualism, 3.) DOI 10.4324/9780203143179.
- Hentschel, Zeller 2012 — *Hentschel G., Zeller J.-P.* Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // Wiener Slawistischer Almanach 70, 2012. S. 127–155.
- Makartsev 2020 — *Makartsev M.* Grammaticalization of progressive aspect in a Slavic dialect in Albania // Journal of Language Contact 13:2, 2020. P. 428–458. DOI: 10.1163/19552629-bja10012.
- Muysken 1997 — *Muysken P.* Code-switching processes: Alternation, insertion, congruent lexicalization // Language choices: Conditions, constraints, and consequences 20, 1997. P. 361–380.
- Schirmunski 1930 — *Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanistisch-Romanische Monatschrift 18, 1930. S. 113–122; 171–188.
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke K., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SDA). Teil 1. Prespa – Vërnik – Boboshtica. München: Otto Sagner, 2007.
- Steinke, Ylli 2008 — *Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil. Golloborda – Herbel – Kërçishti i Epërm. München: Otto Sagner, 2008.
- Steinke, Ylli 2013 — *Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4. Vraça – Borakaj. München: Otto Sagner, 2013.
- Thomason, Kaufman 1988 — *Thomason S., Kaufman T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1988.
- Väänänen 2020 — *Väänänen A.* Work: Albania. (Электронный источник: <https://www.ainovaananen.com/albania>, проверено 11.03.2022.)
- We shall see ([2021]) — We shall see. Photo zine. Vol. 1. / Ed. A. Väänänen. [Oulu, 2021]. (Печатный альманах; информация частично доступна на сайте: <https://www.weshallsee.co>, проверено 08.04.2022.)

ИНФОРМАНТЫ

Код	Пол	Г. р.	Место рождения	Место проживания	Образование	Область деятельности	Идиом социализации	Примечание
Vor16	м	1949	Бораке	Бораке	4 класса	крестьянин	Бораке	муж Vor17
Vor17	ж	1949	Шияк	Бораке	4 класса	крестьянин	албанский	жена Vor16
Tre27	м	1970	Требишт	Требишт/ Дубровник	среднее сельско- хозяйственное	строитель	Голоборда	брат Tre30
Tre30	ж	1980	Требишт	Эльбасан	среднее	домохозяйка	Голоборда	сестра Tre27
Tre38	м	1984	Требишт	Требишт	среднее	строитель	Голоборда	
Tre45	м	1966	Требишт	Эльбасан	среднее	строитель	Голоборда	
Tre61	ж	1952	Требишт	Тирана	7 классов	домохозяйка	Голоборда	
Tre69	ж	1964	Эльбасан	Эльбасан	среднее	домохозяйка	Голоборда	

Aino Väänänen (Oulu),
Maxim Makartsev (Moscow / Oldenburg)

DOCUMENTING THE SLAVIC DIALECTS OF ALBANIA:
A PHOTOGRAPHER'S GAZE, A LINGUIST'S REFLECTION

ABSTRACT: The article focuses on theoretical and practical issues of doing fieldwork in a team of specialists with different profiles (linguistics and photography). It further on dwells upon hybrid structures that emerge in a Macedonian dialect in contact with Albanian. The appendix to the article includes photos taken in the field as well as commentaries.

KEYWORDS: Albania, language minorities, Balkan linguistics, South Slavic dialectology, language contact, photography.

NOTE ON THE AUTHORS:

Maxim Makartsev, Ph.D., senior research fellow, Department of Typology and Comparative linguistics, Institute of Slavic Studies; research fellow of the Institute of Slavistics, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg.

E-mail: maxim.makartsev@uni-oldenburg.com.

Aino Väänänen, award-winning independent photographer focusing on issues of marginalised people and minorities in Eastern Europe, MA (South and West Slavic Languages and Cultures, Department of Modern Languages, University of Helsinki, Finland). Email: info@ainovaananen.com.

РЕЗЮМЕ: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты полевой работы специалистов разного профиля (лингвистика и фотография). Вторая часть статьи посвящена гибридным структурам, которые возникают в западномакедонском диалекте (Голоборда) в контакте с албанским языком. Приложение к работе включает фотографии, выполненные в поле, и комментарии к ним.

Ключевые слова: Албания, языковые меньшинства, балканская лингвистика, южнославянская диалектология, языковые контакты, фотография.

Об авторах:

Максим Максимович Макартцев, к.ф.н., с.н.с. Отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН; научный сотрудник Института славистики, Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург. E-mail: maxim.makartsev@uni-oldenburg.com.

Аино Вянянен, независимый фотограф, лауреат ряда премий. Занимается вопросами маргинализированных людей и миноритарных групп в Восточной Европе. МА (Отделение южно- и западнославянских языков и культур, факультет современных языков, Университет Хельсинки, Финляндия). Email: info@ainovaananen.com.

с. Требишт. Зброшенне почтовое отделение

с. Вэрница. Смотритель церкви св. Георгия.
Неизвестные кладонскатели вскрыли пол в поисках золота,
но ничего не нашли

с. Трешит. Поле в урочище *Gra'dište*.

Вечером используется для игры в футбол и социализации подростков и молодежи

МХ, один из наших основных ассистентов из с. Требишт.
Фотография сделана в местности *Ja'strebec* на выезде из села
в сторону пограничного перехода Требишт-Джепишта.
В глубине снимка горы Стогово и Караорман (Северная Македония).
Холм за спиной МХ уже на албанской территории, его название *Kute'jca*.
Склон, обращенный к наблюдателю, делится на урочища *Gra'dišta*
(рядом с правой рукой МХ); *Vo'lčki Ku'tel*, *Na'tina Le'dina*, *Kosti' Ramnik*,
Ve'išta (рядом с левой рукой МХ); *Ra'psi Kraj* (за МХ).

с. Требишт. Пожилая пара.

Женщина в традиционном повседневном костюме:
на голове платок (*ša'mlija*); длинная рубаха (*ko'šul'a*); юбка (*pe'stemal*)

Кафе-бар (албанск. *lokal*) в с. Требишт.

Участники экспедиции М. М. Макаревич и Н. Мухайм (справа).
На Н.М. — традиционный костюм с. Требишта (*tre'biški ru'tišta*): «дорогой» платок (*ska'pa ša'mlija*), украшения — серебряная монета (*fira'nga*) и бисерное ожерелье (*ni'zal'ki so nu'nizda*), жилет с серебряным шитьем (*sə'rmen e'lek*), тканый пояс (*po'jas*) и декоративный пояс (*kollan*), вышитый блестками (*se'defki*), два четырехугольных платка на поясе, вышитые блестками (*ri'zi*), фартук (*bo'fča*), длинная рубаха (*ko'sul'a*) с вышитыми рукавами (*ro'kai*) и накладками (*u'jmi*) из золотых блесток. Под рубаху надеваются шаровары (*pi'ki*), а сзади повязывается короткий фартук (*fu'ta*). Украшение в виде шестиконечной звезды на стене — модный элемент интерьера из скрепленных колечек от пластиковых бутылок и не имеет символического значения в традиционной культуре

Дверь в доме в с. Требишт.

Выпекание хлеба (*leba*) на алюминиевом противне (*te'psija*) в духовом шкафу (*so'ba*).

Обычный семейный ужин в с. Трещинт.
На столе — припущенный рис, плескавица с йогуртом с приправами, брынза, питьевой йогурт. Все ингредиенты покупаются в магазине.